

ОБЪ ОТВѢТСТВЕННОСТИ
ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦЪ
СУДЕБНАГО ВѢДОМСТВА
ЗА ПРЕСТУПЛЕНІЯ И ПРОСТУПКИ
ПО СЛУЖБѢ.

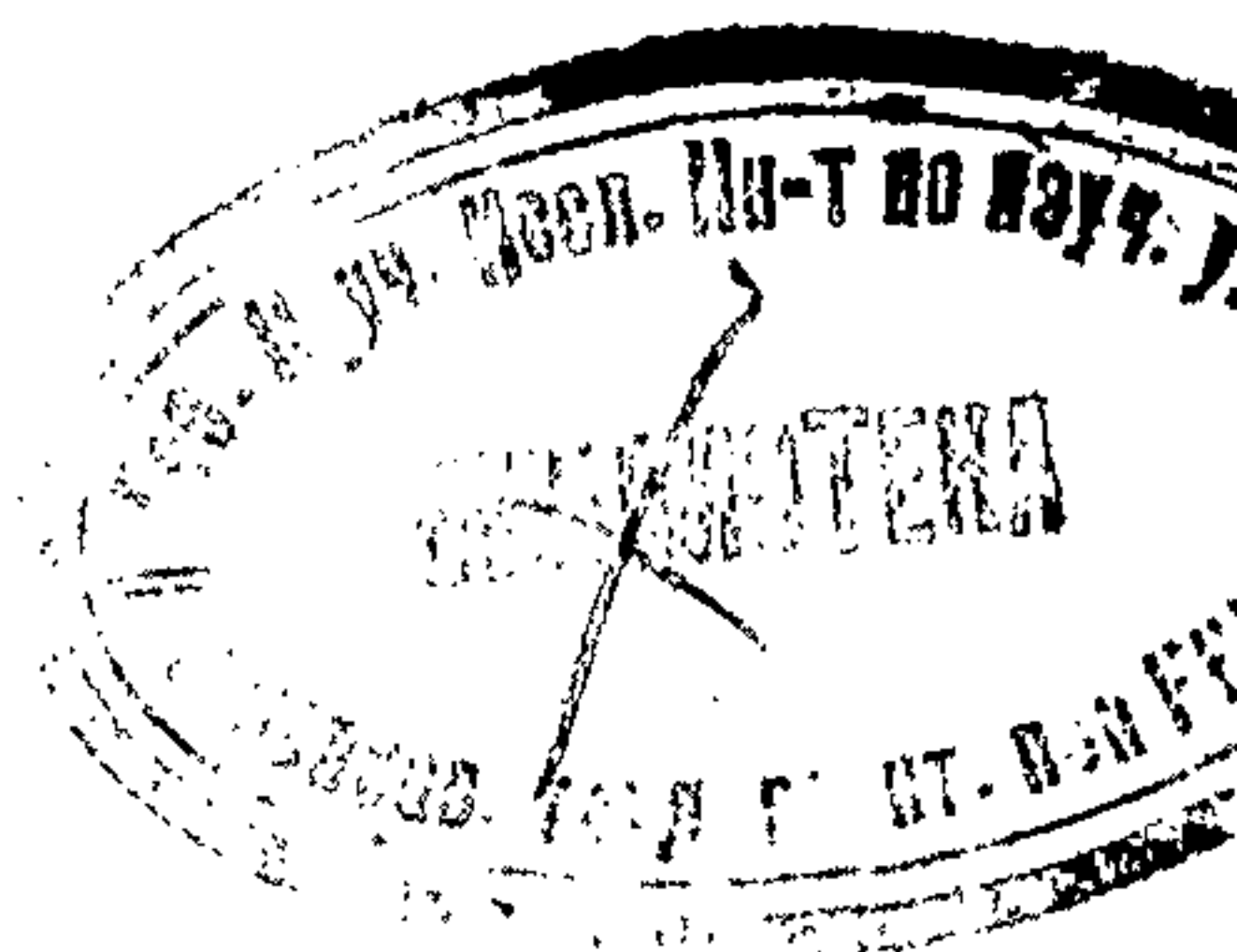
ИЗСЛѢДОВАНІЕ ВОПРОСА
ЗНАЧЕНІИ УМЫСЛА ВЪ ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ И ПРОСТУПКАХЪ, ПРЕДУ-
МОТРѢННЫХЪ СТАТЬЯМИ ПЯТАГО РАЗДѢЛА УЛОЖЕНІЯ О НАКАЗАНІЯХЪ
УГОЛ. И ИСПРАВ. ИЗД. 1866 ГОДА.

съ приложеніемъ
проекта постановленій, коими могъ бы быть замѣненъ этотъ раздѣлъ.

СОЧИНЕНІЕ
присяжнаго повѣреннаго округа Московской Судебной Палаты
АѦНАСІЯ БАРДЗКАГО.

ТУЛА.

Гипотрафія Н. П. Соколова, Кіевская улица, домъ Козловыхъ.
1884.

Дозволено цензурою. Москва, 11 февраля 1884 года.

„Всеу законы писать, когда ихъ не
хранить, или ими играть, какъ въ карты,
прибирая масть къ масти, дабы въ мут-
ной водѣ удобнѣе рыбу ловить.“

Указъ 17 апр. 1722 г.

ВВЕДЕНІЕ.

„Правда и милость да царствуютъ въ судахъ!“

Правда и милость—великія слова. Можетъ ли
быть что желательнѣе господства правды на судѣ?
Можетъ ли быть что возвышеннѣе господства на
судѣ не одной только правды, но вмѣстѣ съ ней
и милости? Вѣдь гдѣ правда—тамъ нѣтъ мѣста лжи
и произволу; гдѣ законность—тамъ не пріютится
беззаконіе и безпорядокъ! Пусть хоть кровью бу-
дутъ писаны законы; но пусть строгое ихъ вы-
полненіе и дѣйствительное примѣненіе будетъ
первымъ долгомъ всѣхъ и cadaго. Пусть каждый
будетъ увѣренъ, что законъ ненарушимъ.

Что такое правда въ судѣ, въ чемъ состоитъ
царствованіе ея?

А въ томъ, чтобы во всякомъ изъ насъ, отъ мала и до
велика, крѣпко и твердо покоились убѣжденіе, пол-
ная увѣренность и сознаніе, что законъ не мечта,
не фикція, а нѣчто такое, на что спокойно и твердо
можно опереться, что всякое право, огражденное
закономъ, не можетъ быть нарушено безнаказано;
что всякій нарушающій требованія закона не-
избѣжно и не взирая ни на какія личности—дол-

женъ нести за сіе отвѣтственность, что правосудіе—не усмотрѣніе,—а судъ—не лоттерея! Правда тамъ, гдѣ законъ для всѣхъ одинъ, всѣхъ объемлетъ, для всѣхъ обязательенъ, всѣ передъ нимъ равны и никто не изъять отъ его приказа или запрета. Правда тамъ—гдѣ какъ для самаго послѣдняго изъ просителей, такъ и для перваго изъ государственныхъ сановниковъ, все одинъ и тотъ же законъ, неизблемъ, проченъ и всегда одинаковъ; гдѣ законъ обязательенъ не только для судимыхъ, но и для судей, не только для частнаго лица, но и для должностнаго.

А милость? въ чемъ же ея господство на судѣ? Милость—это меньшая сестрица правды; она дана первой въ подмогу: гдѣ та не справится одна—тамъ прибѣгаетъ къ ней на помощь послѣдняя и вдвоемъ творятъ судъ и расправу. А надобность въ этой помощи ощущается часто, очень часто. Человѣкъ вѣдь не безгрѣшное созданіе: ошибаться—это его участь. Вотъ къ этимъ то заблудшимъ и спѣшитъ милость съ своею помощью. Но и она для всѣхъ одна и таже, и въ ея глазахъ всѣ равны, всѣ грѣшны, всѣ заблуждаются: ошибаться можетъ и обвиняемый на судѣ и обвинитель его, и самъ судья праведный. Отъ ошибки и заблужденія никто не застрахованъ. Всѣ грѣшны.—Вотъ тутъ то младшая сестра и выпрашиваетъ у старшей позволенія заявить о своемъ существованіи, взяться за дѣло и въ предоставленныхъ ей предѣлахъ оказывать свое благотворное вліяніе. Полу-

чивъ разрѣшеніе, она и садится за кресломъ судейскимъ; нашептывая судѣ слова снисхожденія и милости, напоминая ему, что и онъ человѣкъ, что и онъ ошибаться можетъ, что передъ нимъ на скамѣ подсудимыхъ такой же—какъ и онъ—гражданинъ—и его ближній. Дальше этого она идти не имѣетъ права: она знаетъ это отлично сама, и скоро уступаетъ мѣсто господству правды прямой, строгой и для всѣхъ единой. И судья постановляетъ рѣшеніе строгое, справедливое, но вмѣстѣ съ тѣмъ—и милостивое.

Вотъ нашъ идеалъ суда!

Но царствуетъ ли въ судахъ нашихъ правда и милость? Помнятъ ли всегда судьи наши о томъ, что законъ для всѣхъ одинъ, что строгое его выполнение для всѣхъ одинаково обязательно, что если „*errare humanum est*,“—то точно также какъ онъ судья можетъ быть введенъ въ заблужденіе, также само заблудиться могъ и тотъ нарушитель закона, который стоитъ теперь передъ нимъ въ качествѣ обвиняемаго?

Посмотримъ:

Я, частное лицо:—лишаю свободы моего ближняго, или потому, что онъ мѣшаетъ мнѣ, положимъ, осуществить какое либо мое право, или же просто съ цѣлью удовлетворить какому либо моему чувству: злобы, мести, вражды и т. п. Меня судятъ за противозаконное лишеніе свободы и наказываютъ, такъ какъ я сдѣлалъ то, что закономъ дѣлать запрещено.—Судебный слѣдователь или мировой су-

дья заключаютъ подъ стражу обвиняемаго по уголовному дѣлу, не имѣя къ тому—положимъ—никакихъ законныхъ основаній и руководствуясь лишь или предубѣжденіемъ, или пристрастіемъ, или другими тому подобными соображеніями и чувствами. — Они очевидно поступили вопреки закону, позволяющему прибѣгать къ столь строгой мѣрѣ лишь при наличности вѣскихъ уликъ и существенныхъ доказательствъ тяжкаго преступленія. — Понесутъ ли и они наказаніе за свой противузаконный поступокъ?

Я, истецъ, пропускаю срокъ на подачу бумаги, допустимъ, по одной своей оплошности, а иногда и по незнанію: за это законъ караетъ меня лишеніемъ, иногда, самыхъ драгоценныхъ имущественныхъ правъ, съ подачей бумаги сопряженныхъ. — Судья по нерадивости-ли, или по недостатку времени — нарушаетъ прямой текстъ закона, предписывающаго ему изготovitъ въ окончательной формѣ рѣшеніе въ такой то срокъ, или отослать жалобу въ высшую инстанцію — въ другой. Судебный слѣдователь не исполняетъ предписаніе закона и оставляетъ обвиняемаго безъ допроса нѣсколько дней. — Караетъ ли ихъ законъ за такое пропущеніе сроковъ?

Я врачъ или фармацевтъ; если обнаружится, что вслѣдствіе незнанія моего искусства или моихъ обязанностей, мною допущены явные ошибки — мнѣ законъ воспрещаетъ практику. — Судья или товарищъ прокурора неправильно примѣняютъ законъ

и дѣлаютъ распоряженія съ уставомъ не согласныя и прямо ему противныя, чѣмъ тотъ или другой явно обнаруживаютъ незнаніе своихъ прямыхъ обязанностей. Устраняются ли они за то отъ службы?

Я контрагентъ въ договорѣ; и съ цѣлью доставить себѣ какую либо пользу или пріобрѣсть какія либо права, совершаю фальшивую росписку заднимъ числомъ. Меня судятъ и наказываютъ за подлогъ. — Судебный слѣдователь или товарищъ прокурора въ январѣ мѣсяцѣ посылаетъ цѣлую массу исходящихъ съ задними нумерами и отмѣченныхъ заднимъ числомъ декабремъ, съ тою корыстною цѣлью, чтобы не обнаружилась ихъ медленность въ глазахъ начальства. Всѣ объ этомъ хорошо знаютъ: но привлекали-ли за такой поступокъ кого либо и гдѣ либо къ уголовной отвѣтственности?

Наконецъ, я промышленникъ: нарушаю какую либо статью торговаго или фабричнаго устава вслѣдствіе незнанія ея или неправильнаго пониманія. Полиція составляетъ объ этомъ актъ, меня судятъ и наказываютъ. Но послѣ оказалось, что судъ, постановившій обо мнѣ свой приговоръ, неправильно истолковалъ названную статью и приговорилъ меня несправедливо, такъ какъ мною никакого законо-нарушенія сдѣлано не было. Отвѣчаетъ ли судъ за это?

Вотъ цѣлая масса вопросовъ, которые невольно вызываютъ на размышленія. Вотъ тутъ и задашься

мыслью: царствуетъ ли правда въ судѣ, для всѣхъ ли насъ законъ одинаково обязательенъ—какъ для судимыхъ, такъ и для судящихъ?

Эти то мысли и вопросы и вызвали появленіе настоящаго труда.

При разсмотрѣніи V раздѣла дѣйствующаго у насъ уложенія о наказаніяхъ, мы находимъ цѣлый рядъ статей, которыя, повидимому, на поставленные выше вопросы даютъ вполне удовлетворительные отвѣты. Всѣ тѣ закононарушенія должностныхъ лицъ судебного вѣдомства, которыя мы только что сопоставляли съ подобными же закононарушеніями частныхъ лицъ,—предусмотрѣны въ уложеніи. Подтвержденіе этого мы находимъ еще и въ „соображеніяхъ государственной канцеляріи 1862 г. объ основныхъ началахъ уголовного судопроизводства,“ высказанныхъ при составленіи правилъ о привлеченіи къ отвѣтственности должностныхъ лицъ за преступленія по службѣ: „Безпристрастное и строгое преслѣдованіе служебныхъ преступленій и проступковъ—говорится въ этихъ соображеніяхъ (1)—имѣетъ весьма важное значеніе. Когда тѣ самыя органы государственной власти, которыя установлены для охраненія силы законовъ и общественнаго порядка—подають примѣръ беззаконія и непорядка, тогда возникаетъ неуваженіе къ властямъ и нравственная распушенность, при

(1) 1862 г. стр. 24.

которыхъ государство колеблется въ самыхъ его основаніяхъ.“

Казалось бы все—какъ и слѣдуетъ—обстоять благополучно. Только раздающіяся отъ времени до времени то тамъ, то здѣсь, жалобы на безнаказанное несоблюденіе судомъ законовъ и вообще судебными дѣателями своихъ обязанностей—нарушаетъ эту общую гармонію и кажущееся благополучіе. Но тогда судьи и прокуроры оправдываются неумышленнымъ отступленіемъ отъ закона, который они нарушили вѣдь не нарочно, а по ошибкѣ или недоразумѣнію и тѣмъ дѣлу конецъ. Вотъ мы и постараемся изслѣдовать, на сколько такое оправданіе заслуживаетъ уваженія, согласно ли оно съ духомъ нашего законодательства и не находится ли въ прямомъ противорѣчій съ основными началами справедливости вообще—съ одной, и съ принципомъ равенства всѣхъ передъ закономъ—съ другой стороны.

И такъ, предметъ настоящаго труда составляетъ изслѣдованіе преступленій по службѣ, совершаемыхъ должностными лицами судебного вѣдомства. Поэтому прежде всего мы займемся изслѣдованіемъ вопроса о томъ, когда должностныя лица судебного вѣдомства по дѣйствующему у насъ законодательству и установившейся судебной практикѣ привлекаются къ отвѣтственности, какъ за превышеніе ими предѣловъ власти, закономъ имъ предоставленной, такъ равно и за бездѣйствіе власти, не правосудіе и вообще за всякое какъ съ намѣреніемъ

емъ, такъ равно и по нерадѣнію или небрежности при отправленіи ими ихъ служебныхъ обязанностей, отступленіе отъ прямого смысла закона. Разрѣшивъ этотъ вопросъ, мы затѣмъ постараемся указать съ одной стороны—на тѣ недостатки и условія существующаго порядка, при коихъ невозможно ожидать строгаго и вполне справедливаго преслѣдованія за названныя закононарушенія должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, и съ другой—на возможные измѣненія и поправки, которыми облегчалось бы скорѣйшее достиженіе этой цѣли.

Раздѣляя настоящій трудъ на пять главъ, первую изъ нихъ мы посвятимъ *изслѣдованію вопроса о томъ, какъ дѣйствующее у насъ уложеніе о наказаніяхъ изд. 1866 г. смотритъ на начало умысленности въ преступленіяхъ по службѣ.*

Вторую главу мы посвятимъ *изслѣдованію вопроса о томъ, какъ принятый въ уложеніи взглядъ примѣняется:*

а) на основаніи правилъ учр. суд. установлений.

б) въ кас. практикѣ прав. сената.

Третью—болѣе подробнымъ выводамъ и соображеніямъ, вытекающимъ изъ обзора кассационной по этому поводу практики.

Четвертую—повторкѣ и сравненію постановленій уложенія о нак., учр. судеб. установлений и сенатской практики съ теоретическими началами уголовного права.

Пятую—изслѣдованію главныхъ недостатковъ дѣйствующаго законодательства по разсматриваемому

*вопросу съ указаніемъ на возможные въ этомъ отно-
шеніи исправленія, улучшенія и дополненія.*

Наконецъ въ видѣ особаго приложенія мы пред-
лагаемъ проектъ постановленій, кои могли бы быть
замѣнены пятый раздѣлъ уложенія о наказаніяхъ.

ГЛАВА I.

Задачей настоящего труда мы поставили себѣ разъясненіе вопроса, насколько *умышленность* *нарушить законъ* и *сознаніе* нарушающимъ, что онъ *поступаетъ вопреки закону*—необходимы для наличности преступленій, за которыя, согласно уложенію о наказаніяхъ, должностныя лица судебного вѣдомства привлекаются къ законной отвѣтственности; другими словами: наказуемы ли *неумышленные отступленія* ихъ *отъ закона*, или нѣтъ. Для разрѣшенія этого вопроса намъ придется разсматривать всѣ тѣ статьи уложенія о наказ., въ которыхъ говорится о преступленіяхъ и проступкахъ должностныхъ лицъ вообще, на сколько онѣ относятся и къ должностнымъ лицамъ судебного вѣдомства. Но прежде чѣмъ заняться такимъ изслѣдованіемъ, мы считаемъ необходимымъ остановиться на нѣсколькихъ замѣчаніяхъ и разъясненіяхъ, касающихся взгляда нашего уложенія на *умышленность* и *неумышленность* вообще.

Прежде всего изъ статей, помѣщенныхъ въ общей части улож. о наказ., мы видимъ, что нашъ уголовный кодексъ знаетъ какъ *умышленные*, такъ и *неумышленные* преступленія (ст. 1, 3), причемъ

подъ преступленіемъ понимаетъ не только дѣянія запрещенныя закономъ, но и неисполненіе того, что подъ страхомъ наказанія закономъ предписано⁽²⁾. Что же касается до взгляда уложенія на *умыселъ* и отдѣльные онаго моменты—то этотъ взглядъ вывести можно не изъ общей части, а скорѣе изъ разбора разныхъ постановленій части особенной. При этомъ самая терминологія въ этомъ отношеніи до того сбивчива, что не только не разъясняетъ, а напротивъ еще болѣе запутываетъ это понятіе. Въ уложеніи выраженія: „*съ умысломъ, умышленно, злоумышленно, съ намѣреніемъ, съ цѣлью, съ знаніемъ послѣдствій*“ и т. д. употребляются какъ однозначущія, что впрочемъ признано и кассац. практикой прав. сената⁽³⁾. Затѣмъ допускаемая кромѣ умышленныхъ и неумышленныхъ преступленій, уложеніе къ винѣ неумышленной относитъ *неосторожность* или *небрежность* (ст. 110). При чемъ въ поясняющемъ ст. 110 кассац. рѣшеніи прав. сената⁽⁴⁾ присовокуплено, что статья эта кромѣ физической неосторожности (какъ на-примѣръ при неосторожномъ обращеніи съ огнемъ или огнестрѣльнымъ оружіемъ) имѣетъ также въ виду *неосмотрительность, опрометчивость и нерассудительность*. Что уложеніе понимаетъ подъ *умyslomъ*—этого хотя и не видно изъ статей общей

⁽²⁾ Неклюдовъ („Руководство для мир. судей.“ Стр. 24) 1-я называетъ преступными дѣяніями, а 2-я преступными упущеніями.

⁽³⁾ Кас. рѣш. уг. департ. 1871 г., № 152.

⁽⁴⁾ Кас. рѣш. уг. департ. 1869 г., № 2020.

части, но за то изъ постановленій части особенной не трудно придти къ заключенію, что по уложенію для умысла необходима *воля* и *сознаніе* т. е. желаніе совершить дѣяніе и пониманіе, какъ за-прещенности этого дѣянія, такъ и всѣхъ его послѣдствій⁽⁵⁾. Стало быть, *умышленнымъ* будетъ то преступленіе, вредныя послѣдствія коего виновный и предвидѣлъ и ихъ желалъ. Если же онъ, предвидя возможность послѣдствій, отнесся къ нимъ безразлично, или даже ихъ не желалъ, но все-таки отъ противузаконнаго дѣянія не воздержался, тогда умыселъ превратится въ преступную *безпечность* или *небрежность*. Хотя въ уложеніи мы и не находимъ термина „*безпечность*“, но изъ 108 и 109 ст. общей части, а также изъ цѣлаго ряда статей части особенной (ст. 1461, 1464—1468, 1488, 1490, 1494, 1503, 1507, 1527 и т. д.) видно, что такого рода преступныя дѣянія уложеніе наказываетъ почти наравнѣ съ преступленіемъ умышленнымъ, вмѣняя въ вину совершившему оное даже тѣ послѣдствія, какихъ онъ вовсе не желалъ, предполагая, что онъ могъ и долженъ былъ ихъ предвидѣть. Кромѣ указанныхъ для примѣра мы можемъ сослаться еще на нѣкоторыя статьи о нарушеніи правилъ для охраненія чистоты воздуха и съѣстныхъ припасовъ (ст. 856), о нарушеніи строительнаго (ст. 1058, 1059) и телеграфнаго уставовъ (ст. 1142), о преступленіяхъ противъ жизни и здравія

(5) Неклюдовъ—„Рук. для мир. суд.“ изд. 1868 г т. II стр. 25.

(ст. 989) и т. д. По всѣмъ этимъ статьямъ виновный несетъ отвѣтственность не только за то, что онъ *хотѣлъ* сдѣлать, т. е. на что у него было *намереніе* и *злой умыселъ*, но и за тѣ послѣдствія, какія отъ его дѣянія произошли помимо его воли и желанія. Въ случаѣ важности сихъ послѣдствій, иногда не только нежелаемыхъ виновнымъ, но имъ и непредвидѣнныхъ, и самая отвѣтственность значительно увеличивается: такъ за умышенное поврежденіе телеграфа, когда вслѣдствіе сего хотя и безъ намѣренія виновнаго причинятся кому либо поврежденія въ здоровьѣ, наказаніе увеличивается на одну или двѣ степени, а когда причиняется смерть, то на двѣ и на три степени противъ обыкновенной нормы, хотя повредившій телеграфъ не помышлялъ о чемъ либо подобномъ и не предвидѣлъ этихъ послѣдствій, а дѣлалъ поврежденія исключительно съ какою либо корыстною цѣлью. Тоже самое при изнасилованіи, дуэли, изгнаніи плода и проч.

Что касается *неумышленныхъ* преступленій, то уложеніе допускаетъ ихъ ненаказуемость лишь въ случаѣ, когда при этомъ не было даже и *неосторожности*, т. е. когда виновный не предвидѣлъ и не могъ предвидѣть, что отъ его дѣянія послѣдуютъ вредныя послѣдствія (ст. 92, 93). Въ противномъ случаѣ за неумышленное дѣяніе—уложеніе наказываетъ какъ за *неосторожность*. При этомъ строгость наказанія увеличивается, когда виновный по званію своему и по другимъ обстоятельствамъ